

НЕ ОХЛѢВЪ ЕДИНЪМЪ
ВЕДЕТЬ ЖИВЪ
ЧЕЛОВѢКЪ

КОМУ ЦЕРКОВЬ НЕ
ИМАЕТЪ ТОМУ
БОГЪ НЕ ОТЕЦЪ

ЦЕРКОВНОЕ СЛОВО

изданіе

БРАТСТВА ВСЕМИЛОСТИВАГО

СВ. СТЕФАНЪ
СПАСА

ОБЛАСТНОГО
ВОЛОГОДСКАГО ЧЛЕНЪ

СВ. СТЕФАНЪ
СВ. СТЕФАНЪ ПЕРСКІЙ

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.

№ 61
1908.

ПОДПИСНА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦИИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
и въ канцелярии
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

Цѣна отд. № 5 н.

СОДЕРЖАНІЕ: Чтеніе Божественныхъ писаній. — Въ чемъ счастье? С. Н. К. — Христось и Креститель. (Къ 6 января). С. Н. К. — Сила Божія и немощь человѣческая. Самоотверженная игуменія. Сергій Нилуса. — Голось изъ православной карелии.

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО.**

1908
(январь).

ЧТЕНИЕ БОЖЕСТВЕННЫХЪ ПИСАНИЙ.

Великій пророкъ Давидъ, зная пользу отъ чтенія Писаній, уподобляетъ того, кто постоянно внимаетъ Писаніямъ и наслаждается бесѣдою съ ними, растенію всегда цвѣтущему, стоящему при потокахъ водъ, когда говоритъ: *блаженъ мужъ, иже не иде на советъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и на съдалищи губителей не съде, но въ законъ Господни воля Его, и въ законъ Его поучится день и нощь; и будетъ яко древо насажденное при исходѣхъ водъ, стоящее при потокахъ водъ, которое не болѣетъ, и не иссохнетъ, потому что водою орошеніе, бываетъ погода, не боится зноя и сухаго воздуха, и приноситъ достаточную влажноту, и не боится вѣтра приступающій отъ южной теплоты, такъ и душа, внимающая божественныхъ Писаній и постоянно общающаяся съ ними, собирая въ самой себѣ эти струи и плоды божественнаго Слова, и живя въ ономъ духу, бываетъ безопасною отъ всякихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ; хотя бы болѣзнь, хотя бы порицаніе, хотя бы клевета, хотя бы злословіе, хотя бы насмѣшки, хотя бы какая нибудь лѣность, хотя бы всѣ бѣдствія вселенной напали на такую душу, она легко отражаетъ пламень страстей, находя достаточное утѣшеніе въ чтеніи Писаній. Подлинно, ни величіе славы, ни высота власти, ни присутствіе друзей, и ничто другое изъ вещей человѣческихъ не можетъ утѣшать въ скорби такъ, какъ чтеніе божественныхъ Писаній. Почему? Потому, что тѣ вещи тлѣнны и скоропреходящи,—а чтеніе Писаній есть собесѣдованіе съ Богомъ. Когда же Богъ утѣшаетъ находящагося въ скорби, то какое изъ настоящихъ обстоятельствъ можетъ повергнуть его въ уныніе?*

(Изъ твореній Св. Іоанна Златоустаго).

ВЪ ЧЕМЪ СЧАСТЬЕ?

Ничто такъ не занимаетъ людей, никакой вопросъ такъ не интересуется, какъ вопросъ о счастьи. Для счастья работаетъ поденщикъ, торгуетъ кунецъ, трудится ученый... Люди при наступлении новаго года искренно или лицемерно привѣтствуютъ другъ друга пожеланіемъ счастья и при томъ каждый разъ *новаго счастья*. Старое какъ бы отжило уже свой вѣкъ, обветшало: износилось. И вотъ люди желаютъ другъ другу именно новаго счастья. Въ чемъ это новое счастье—никто не задумывается, не даетъ себѣ отчета, а только его желаетъ себѣ и ближнимъ.

Для посторонняго наблюдателя, изучающаго жизнь, какъ она есть, во всей ея неприглядной красѣ, это пожеланіе отзывается чѣмъ-то дѣтскимъ, простодушнымъ, во всякомъ случаѣ не серьезнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему люди, привѣтствуя другъ друга съ новымъ счастьемъ въ каждое новолѣтіе, *примѣромъ прошлаго* не убѣждаются, что счастье есть что-то недостижимое, призрачное, обманчивое? Почему имъ кажется, что тѣ блага жизни, какими они пользовались въ годахъ прошедшихъ, въ новомъ году уже не составятъ счастья, а желаютъ другъ другу чего-то новаго, невѣдомаго?...

Таковъ человекъ. Онъ никогда не удовлетворяется дѣйствительностію. Ему все мало того, чѣмъ онъ владѣетъ. Онъ желаетъ все большаго и большаго, новаго. и новаго...

Человекъ вездѣ одинаковъ: и на царскомъ тронѣ, и въ убогой хижинѣ,—и въ богатыхъ одеждахъ, и въ рубищѣ. У него вездѣ одни желанья, всюду одинаковы интересы.

Въ этомъ отношеніи особенно поучителенъ намъ примѣръ богодухновеннаго Соломона, мудрейшаго изъ царей Израиля. Какъ человекъ, онъ жилъ когда-то тѣми же идеалами, какъ и всѣ смертные. Онъ также искалъ счастья. Онъ также понималъ его по-человѣчески. Результаты его стремленій, выводы его изысканій для насъ весьма цѣнны и назидательны. Вотъ эти выводы: *„суета суетствій, всяческая суета... и ничтоже ново подъ солнцемъ“*.

Въ молодости, въ цвѣтѣ силъ, взошелъ Соломонъ на царственный тронъ народа Божія. Хотя и *мудрейшій*, но *человекъ*, онъ заплатилъ дань человѣческимъ увлеченіямъ. Какъ многіе простые смертные, онъ искалъ счастья въ богатствѣ. И вотъ, скопилъ онъ множество сокровищъ, понастроилъ дворцовъ и налатъ, приобрѣлъ драгоценныя порфиры и діадемы, вооружилъ золотымъ оружіемъ свою стражу. Что же? Нашелъ-ли Соломонъ счастье въ богатствѣ? Нѣтъ. *Суета суетствій*—сказалъ онъ о богатствѣ.—Сквозь золото часто текутъ горькія слезы. Если бы весь міръ принадлежалъ намъ въ слиткѣ одного зо-

лота, то и тогда онъ не въ силахъ былъ бы заглушить хотя на одинъ мигъ тягчайшихъ душевныхъ страданій

Вотъ урокъ нашимъ социалистамъ, борющимся за обладаніе богатствомъ и благами жизни, совершающимъ ради ихъ каждодневно грабежи и насилія...

Въ годы молодости, крѣпости силъ и здоровья, Соломонъ заплатилъ дань и другому человѣческому увлеченію. Юноши въ цвѣтѣ лѣтъ часто ищутъ счастья въ чувственныхъ удовольствіяхъ. Могучій царь Израиля болѣе, чѣмъ обыкновенный смертный, могъ удовлетворить этому стремленію. Во дворцѣ, гдѣ все блистало чудной красотой и роскошью, гдѣ бѣлизна слоновой кости соперничала въ славѣ съ блескомъ золота, появились искусные повара, чтобы удовлетворить изысканнымъ вкусомъ царскихъ прихотей, привозились дорогія яства, покупались рѣдкія вина, словомъ собрано было всё, что можетъ придумать самая причудливая изнѣженная натура.

Въ погонѣ за чувственными удовольствіями Соломонъ усвоилъ себѣ обычай царей языческихъ и завелъ себѣ многочисленный гаремъ, въ которомъ было 700 женъ и 300 наложницъ. Кажется трудно было придумать, чего-бы здѣсь не хватало для удовлетворенія чувственности. „Но и это суета и томленіе духа“, сказалъ Соломонъ, пресыщенный чувственными благами. Онѣ питаютъ только тѣло, пищи душѣ не даютъ и душа гибнетъ отъ глада. Все это позналъ Соломонъ своимъ опытомъ, а потому и сказалъ, что въ чувственныхъ удовольствіяхъ нѣтъ счастья, какъ и въ богатствѣ.

Какъ часто забывается поучительный примѣръ мудраго царя Еврейскаго! Какъ часто изъ за обладанія чувственными благами борется и волнуется современное человѣчество!

Бѣднякъ почтетъ себя счастливымъ не иначе, какъ въ богатствѣ. Но кумиръ всегда прекрасенъ бываетъ издали. Стоитъ только поближе подойти къ нему, подробнѣе разсмотрѣть его, а особенно—взять его въ обладаніе, какъ онъ повергнется предъ нами въ прахъ.

Соломонъ и еще одну дань заплатилъ человѣческимъ страстямъ и увлеченіямъ, дань, которую платятъ, большею частію, люди чѣмъ либо прославившіеся, знаменитые. Послѣднимъ увлеченіемъ его была жажда славы. Онъ былъ мудрѣйшимъ изъ царей Израиля, прекрасный правитель, глубокій философъ. Слава о его мудрости переступила далеко за границы его царства. Иностранцы приходили къ нему учиться и дивиться его разуму. Неудивительно, что имъ овладѣла жажда славы, которая создаетъ геній полководца, двигаетъ изысканіями ученаго, посылаетъ въ опасные невѣдомые пути мореплавателя.

Установивъ порядокъ и благоустройство внутри царства, со-

здавъ прекрасный храмъ Богу истины, Соломонъ отдался духовному творчеству, которое даетъ наивысшее изъ земныхъ—духовное наслажденіе человѣку, писалъ и составлялъ пѣсни, притчи... Но и здѣсь онъ не нашелъ счастья. „*Во множествѣ мудрости—множество разума, и приложивый разумъ приложитъ бользнь*“. А человѣческая слава—это дымъ, разносимый временемъ, какъ вѣтромъ. Вотъ его послѣднее слово.

Итакъ, Соломонъ является предъ нами безпощаднымъ критикомъ человѣческихъ мнѣній, вѣрнѣе—заблужденій по вопросу о земномъ счастьи. Онъ разрушаетъ всѣ обычныя попытки и стремленія человѣческаго ума достигнуть на землѣ счастья, вновь насадить рай земной, и разрушаетъ вполне основательно и авторитетно. Онъ—богопросвѣщенный мудрецъ и могучій царь. Ему болѣе, чѣмъ простому смертному, доступны были всѣ средства къ счастью и всѣ способы къ его достиженію. Однако, не смотря ни на что, онъ пришелъ только къ горькому разочарованію.

Счастья на землѣ нѣтъ, какъ нѣтъ на ней *ничего новаго*, а существуютъ только старыя грѣхи и пороки, старыя заблужденія и ошибки затемненнаго разума. А мы, бѣдные, поздравляемъ другъ друга съ *новымъ* счастьемъ... Все это—суета и томленіе духа, по выраженію Соломона.

Что же положительнаго даетъ намъ философія Соломона?

Неужели рѣшительно невозможны на землѣ никакія радости, какое благополучіе? Нѣтъ, не говоритъ этого Соломонъ.

Напротивъ, онъ учитъ, что возможны земныя радости, возможно и благополучіе. Люди заблуждаются, когда ищутъ на землѣ *полнаго* счастья. Его нѣтъ и быть не можетъ, потому что земля для насъ страна чужая, мѣсто изгнанія, юдоль плача и скорби. Полное счастье было когда то, но давно утрачено и будетъ тогда, когда возвращено будетъ райское блаженство. Это въ пакибытіе, за гробомъ, на небѣ, у Бога... Въ чемъ же заключается временное земное благополучіе по Соломону? Гдѣ оно? Оно не тамъ, гдѣ обыкновенно ищутъ его люди, не внѣ насъ, а внутри самого человѣка.

Кромѣ тѣла у человѣка есть Богоподобная душа. Въ спокойствіи души, въ чистотѣ совѣсти заключается все земное благополучіе. Человѣкъ—сынъ вѣчности. Онъ—членъ царства Божія, которое не есть брашно и питіе или другое земное благо, а правда, радость и миръ о Дусѣ Святѣ. Кто обладаетъ этимъ даромъ, тотъ владѣетъ высшею долею земного благополучія. Къ такому заключенію пришелъ мудрѣйшій Соломонъ: *бойся Бога*, говоритъ онъ, и *заповѣди Его соблюдай, потому что въ этомъ—все для человѣка* (Эккл. 12, 13).

Вотъ *возможное на землѣ* счастье. Другого нѣтъ, братья! Вѣрьте этому!..

Чего-же пожелать хрістіанину ради новаго года — себѣ и ближнимъ?

Пожелаемъ, чтобы умиротворилъ Господь наши распри и раздоры, чтобы прекратились волненія и кровопролитія. Пожелаемъ, чтобы между нами царили миръ и любовь, принесенные на землю Спасителемъ нашимъ. Пожелаемъ, чтобы этимъ миромъ исполнялись наши сердца, и правдою, и радостію о Дусѣ Святѣ. Пожелаемъ, чтобы наилучшимъ образомъ исполнить намъ долгъ хрістіанскій въ отношеніи къ Богу, ближнимъ и самимъ себѣ. Пожелаемъ, чтобы совѣсть наша была чиста и руководила нами на пути добра и истины.

Съ новымъ годомъ, дорогіе читатели!

С. Н. Н.

ХРИСТОСЪ И КРЕСТИТЕЛЬ.

(Къ 6 Января).

Ветхозавѣтная ночь приходила къ концу. Надъ міромъ блеснула яркая звѣзда, освѣтившая собою всю поднебесную. Звѣзда эта, по вѣрованію тогдашнихъ мудрецовъ, означала рожденіе великаго и славнаго Царя, имѣющаго владѣть вселенною. Рожденіе его совершилось, однако, вдали отъ міра, въ убогой пещерѣ. Такъ угодно было Промыслу Божію. Люди величались, гордились, хотѣли превзойти другъ друга богатствомъ, роскошью, господствомъ, порабощеніемъ и имъ нуженъ былъ примѣръ любви, смиренія, незлобія...

Какъ-бы ни было грѣшно ветхозавѣтное человѣчество, оно все же изъ среды себя выставило достойныхъ представителей, которымъ суждено было послужить великой тайнѣ воплощенія. Немного было этихъ людей, но тѣмъ ярче выступаетъ ихъ величіе, какъ на черномъ фонѣ ярки бываютъ бѣлые просвѣты. Вотъ эти люди: священникъ Захарія съ женою Елизаветой, чудесно разрѣшенные въ своемъ неплодіи, праведный старецъ Симеонъ, которому Духомъ Святымъ было предсказано, что онъ не умретъ, пока не увидитъ Христа Господня, старецъ Іосифъ-обручникъ древодѣль изъ Назарета Галилейскаго, Анна пророчица, святая старица-вдовица, особенно-же величайшій и послѣдній изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ—Іоаннъ Предтеча и Пресвятая Дѣва Марія.

Все, что было лучшаго въ тогдашнемъ мірѣ, собрано было и воплощено въ этихъ святыхъ личностяхъ. Въ лицѣ ихъ ветхозавѣтное человѣчество созрѣло и приготовилось къ принятію грядущаго Христа-Мессіи, предсказанія о Которомъ начинаются съ самой колыбели человѣчества, покоившейся въ райскихъ черто-

гахъ. Это были первые друзья Божіи, на глазахъ которыхъ возростало и укрѣплялось духомъ чудное Отроча Виолеемской пещеры.

Не всѣмъ этимъ праведникамъ суждено было видѣть полный расцвѣтъ народившейся Жизни. Нѣкоторые изъ нихъ скоро умерли, какъ умеръ съ ними Ветхій Заѣтъ. Таковы престарѣлые, отжившіе свой вѣкъ, Захарія и Елизавета, Симеонъ, Анна и Иосифъ. Расцвѣтъ этотъ, кромѣ Богоматери, увидалъ лишь родственникъ по плоти Богомладенцу Іоаннъ, сынъ Захаріи, на полгода предупредившій Его рожденіе.

До нашихъ дней сохранилось преданіе изъ того времени, когда подрастали Христоръ и Его Предтеча, которые, какъ родственники по плоти, вѣроятно встрѣчались другъ съ другомъ.

Преданіе это нашло себѣ должное изображеніе кистью художника. Художественная картина такъ изображаетъ одинъ изъ моментовъ ихъ свиданія.

Вотъ Богомладенецъ, какъ младшій по возрасту, покоится еще на колѣнахъ Пречистой Своей Матери. Къ Нему *подходитъ* на полгода старшій его Іоаннъ и передаетъ ему простой безыскусственный крестъ, очевидно, имъ самимъ устроенный, представляющій собою сѣвление подъ прямымъ угломъ двухъ древесныхъ вѣтвей. Съ глубокой думой на челѣ Божественный Младенецъ принимаетъ подарокъ...

Картина эта полна глубокаго смысла и невольно приковываетъ къ себѣ вниманіе. Будущая жизнь и дѣятельность изображенныхъ вполне оправдываетъ содержаніе этой картины.

Пустыннымъ уединеніемъ, постомъ и молитвою приготавливалъ себя Іоаннъ къ подлежащему подвигу. *„Въ пятое надешате лѣто владычества Тиверія Кесаря бысть глаголь Божій ко Іоанну, Захаріину сыну въ пустыни“*. Призванный къ пророческому служенію, Іоаннъ сталъ выполнять свое великое дѣло—приготавливать людей къ пришествію Христову. Приготовление это состояло въ проповѣди покаянія и крещеніи во оставленіе грѣховъ въ рѣкѣ Іорданѣ.

Давно предсказано было о явленіи Христа-Мессіи. Давно предвозвѣщено было и явленіе Предтечи Христова. Ветхозавѣтный Евангелистъ—великій Исаія называлъ его „гласомъ вопіющаго въ пустыни“. Какъ предъ пріѣздомъ царя по горамъ и пустынямъ раздаются голоса царскихъ посланниковъ, чтобы приготовить дорогу къ царскому поѣзду, такъ Іоаннъ взывалъ къ пустынямъ и дебрямъ душъ человѣческихъ: „приготовьте путь Господу (Царю Небесному), прямыми сдѣлайте стези Ему. Всякій долъ да наполнится, всякая гора и холмъ да понизятся, кривизны выпрямятся, неровные пути сдѣлаются гладкими, и узритъ всякая плоть спасеніе Божіе“...

Такъ выполнялъ Иоаннъ свое высокое призваніе. Жизнь его была настолько свята и подвиги такъ велики, что многіе Іудеи считали его за Мессію. Но Иоаннъ смиренно говорилъ о себѣ: „я крещу васъ водою, но идетъ сильнѣйшій меня, у Котораго я недостойнъ развязать ремня обуви; Онъ будетъ крестить васъ Духомъ Святымъ и огнемъ“.

Въ числѣ другихъ приходившихъ креститься къ Иоанну, приходитъ, по достиженіи тридцатилѣтняго возраста, и Мессія-Хри-

стосъ. Знавшій его съ ранней юности Иоаннъ въ страхѣ отступилъ отъ своего Владыки и Господа. Смиранный рабъ и подвижникъ говорилъ Ему: Господи! Азъ требую Тобою креститься и Ты-ли грядешь ко мнѣ?..

Великія слова! Какъ онѣ не похожи на гордость фарисейскую, на самомнѣніе саддукейское и ни на что языческое! „Господи! Мнѣ надо креститься отъ Тебя, и Ты-ли приходишь ко мнѣ?“...

Въ другой разъ подобныя слова слышались изъ устъ великаго апостола Петра, когда Господь подошелъ умывать къ нему ноги: „Господи! Ты-ли мои умыеши нозѣ?... Не умыеши ногъ моихъ вовѣки“...

На пререканіе Иоанна Христосъ сказалъ ему: „остави нынѣ, тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду“.

Служеніе ихъ—служеніе правды, поправной грѣшнымъ міромъ, служеніе смиренія и любви, уничтоженныхъ людскою гордыней и злобой. Иоаннъ пересталъ прекословить и крестилъ своего Спасителя. Вотъ, онъ увидѣлъ, но крещеніи, небо отверсто и сходящаго на *крещаемъ* Духа Божія, въ видѣ голубинъ, и услышалъ

Отчий гласъ съ небеси: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ-же благоволихъ“.

Дальше невольно вспоминается другая замѣчательная художественная картина, составляющая истинное украшеніе христіанской живописи. Картина эта называется „Явленіе Христа народу“ и принадлежитъ извѣстному нашему художнику Иванову. Она изображаетъ Іоанна на рѣкѣ Іорданѣ въ его обыденной обстановкѣ, окруженнаго учениками и народомъ, пришедшимъ слушать его проповѣдь и креститься отъ него. Вдругъ взоръ пустынника, въ грубой одеждѣ изъ верблюжьяго волоса, опоясанаго кожанымъ поясомъ, съ длиннымъ посохомъ въ рукахъ— въ видѣ креста, мгновенно обращается къ горному ущелью, по которому вдалькѣ еще виднѣлся Христосъ Спаситель, шедшій къ Іоанну. Сильнымъ жестомъ указывая приближавшагося, Іоаннъ воскликнулъ: „Се—Агнецъ Божій!“... Ученики Іоанновы: Андрей Первозванный и Іоаннъ, будущій Евангелистъ и Богословъ, оставили пряхняго учителя и послѣдовали за Христомъ...

Такъ Іоаннъ сталъ передавать крестъ свой Спасителю міра, своему родственнику по плоти. Служеніе его кончалось. Онъ приготовилъ людей къ принятію Мессіи, показалъ на Него народу, а теперь оставалось ему пострадать за истину. Вскорѣ онъ и умеръ мученикомъ въ темницѣ по злобѣ Иродіады, а вслѣдъ за нимъ Іисусъ Христосъ понесъ крестъ Свой...

С. Н. К.

СИЛА БОЖІА И НЕМОЩЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАА.

ЧАСТЬ II.

САМООТВЕРЖЕННАЯ ИГУМЕНІА.

Оптину пустынь въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ числѣ многихъ, приходившихъ и до нашего времени приходящихъ къ Оптинскимъ старцамъ за духовнымъ совѣтомъ, посѣщали игуменія Сѣвскаго монастыря Магдалина 1-я съ монахиней Досиѳеей Лыкшиной.

Обѣ въ міру были вдовы: одна—полковника, другая—генерала. Монахиня Досиѳея въ Сѣвскомъ монастырѣ несла послушаніе по канцелярской части и потому всюду во всѣхъ поѣздкахъ сопровождала свою игуменію.

Замѣчено было Оптинской братіей и постоянными посѣтите-

лями пустыни, духовными дѣтьми великаго старца Леонида, положившаго основаніе старчеству въ Оптиной, что старецъ Леонидъ всякій разъ при встрѣчѣ съ игуменьей и ея письмоводительницей, съ улыбкой, не лишенной для окружающихъ нѣкоторой таинственности, называлъ игуменію: то—„побѣдитель“, то—„фельдмаршалъ“, и особенно часто—„кавалеръ игуменія“. И на эти прозвища всѣ трое, во главѣ со старцемъ, улыбались съ такимъ видомъ, что всѣмъ это видѣвшимъ казалась несомнѣнной какая-то тайна, какое-то общее для всѣхъ ихъ воспоминаніе, не лишенное нѣкоторой, если можно такъ выразиться, игривости, вообще, чего-то, чего нельзя вспомнить безъ улыбки. Великая духовность и святость этихъ трехъ лицъ исключала даже возможность какой-либо, не только игривой, но даже несерьезной мысли объ этомъ общемъ для нихъ воспоминаніи и, конечно, тѣмъ большій интересъ возбуждали и прозвища эти и эти улыбки.

Одинъ изъ современниковъ старца Леонида, Оптинскій монахъ Арсеній, ближе другихъ, вѣроятно, стоявшій къ другому великому Оптинскому старцу, Макарію, другу, сотаиннику и ученику старца Леонида, заинтересовался этимъ и осмѣлился какъ-то разъ спросить батюшку Макарія, что означаютъ эти прозвища игуменіи Магдалины, но старецъ отвѣчалъ:

— „Послѣ о томъ узнаешь!“

„И вотъ“, пишетъ въ своей тетрадкѣ, изъ которой я выписываю эти строки, монахъ Арсеній: „прошло съ тѣхъ поръ немало времени; поѣхалъ я въ Кіевъ. Ъзда тогда была въ Кіевъ черезъ Сѣвскъ, и я не преминулъ быть въ Дѣвичьемъ Сѣвскомъ монастырѣ и посѣтить почтенную старицу, игуменію Магдалину, которая при своихъ посѣщеніяхъ нашей Богоспасаемой Оптиной, всегда отличала меня своимъ доброжелательствомъ и довѣріемъ. Старца Леонида въ это время уже не было въ живыхъ.“

При этой встрѣчѣ моей съ матушкой игуменіей я, вспомнивъ слова старца Макарія—„послѣ узнаешь“—рѣшился приступить къ ней съ неотступной и убѣдительною просьбой объяснить мнѣ, что значили слова и улыбка почившаго великаго старца.

Была тутъ въ игуменской кельѣ и неразлучная спутница и собесѣдница игуменіи, мать Досиѣя, которая, дай Богъ ей добраго здоровья, просьбу мою поддержала, сказавъ игуменіи:

— „Ну, матушка, скажите ему уже все—за что называлъ васъ батюшка такими именами да еще потомъ прозвалъ насъ и „хороводницами“. Теперь ужъ, матушка, времени съ того много прошло—чай, и поперемежли тѣ-то, кого это касается. Разкажите-на, матушка!“

И вотъ, что рассказала мнѣ матушка, то я здѣсь и записываю въ точности со словъ этой почтенной старицы и хранительницы словесныхъ овецъ стада Христова.

— „Когда въ нашъ Сѣвскъ прибылъ драгунскій полкъ, офицеры полка начали учащать къ намъ въ церковь и порядочно таки безчинничать. Ни одной, бывало, вечерни не пройдетъ, чтобы не было отъ нихъ какихъ-нибудь самыхъ наглыхъ дерзостей. И было очень скорбно нашему сердцу видѣть такое умаленіе духа Христова въ христіолюбивомъ воинствѣ, и вспоминались нами со страхомъ слова Спасителя: „вы есте соль земли, аще же соль обуюетъ, чимъ осолится; ничтоже будетъ ктому, точию да изсыпана будетъ вонъ, и попираема челоуѣки“. А въ то время офицеры Государева войска, да и теперъ, кто были они, какъ не соль земли Русской?!..

Къ тому времени, какъ начали у насъ въ церкви безчинствовать господа офицеры, въ число сестеръ къ намъ поступила Александра Викентьевна, институтка, красавица собой, и это довело до истиннаго бѣснованія „христіолюбивыхъ“ вождей и даже самого полковника, хотя онъ уже былъ челоуѣкъ немолодой да къ тому же еще и семейный. И пошло у насъ въ храмѣ такое непотребство, что хотъ святыхъ вонъ выноси: придуть наглецы въ церковь Божію, шарятъ во всѣхъ углахъ и громко, съ подлымъ смѣхомъ спрашиваютъ другъ друга:

— „Гдѣ она, гдѣ она?“

Наконецъ, дѣло дошло до того, что меня уже изъ города стали предупреждать, что полковые хвалятся схватить Александру Викентьевну и силой увезть изъ монастыря. Что тутъ дѣлать?—думаю: зимой вечерня отходить уже темно—это очень удобно устроить, да къ тому же полковникъ злонамѣренно выбралъ себѣ квартиру противъ самаго монастыря и ко злу тѣмъ присоединилъ новое зло: у насъ—обѣдня, а у нихъ музыка гремитъ, у насъ—вечерня, а у нихъ, какъ станетъ смеркаться, зорю играютъ; а самъ полковникъ для тѣхъ же офицерскихъ штукъ зачастилъ да зачастилъ въ церковь на великій соблазнъ и скорбь всѣмъ нашимъ монашенкамъ... Меня, думаю я, это въ могилу уложить! Ну, разсуждаю я въ самой себѣ, что жъ будетъ толку изъ того, что я умру отъ однихъ своихъ думокъ? Умирать все одно, что отъ думокъ, что отъ дѣла, и, призвавъ на помощь старческія молитвы батюшки Леонида и при содѣйствіи всемогущей благодати Божіей, я рѣшилась, наконецъ, на послѣднюю крайность...

Приказала я собрать всѣхъ сестеръ къ себѣ въ келью и объявила имъ, что въ виду тяжкаго соблазна, который угрожаетъ всему монастырю, онѣ должны удвоить свою бдительность и, особенно, усугубить молитвы, а что я до послѣдней капли крови постою за монастырь при помощи старческихъ и общихъ молитвъ. Объявивъ о томъ сестрамъ, я Александрѣ Викентьевнѣ запретила ходить въ церковь и, въ особенности, къ вечернѣ...

Приблизился для полка праздникъ—день Ангела полковаго командира. Я приказала сготовить пирогъ съ разукрашенными печеньями и просфору о здравіи именинника и своего ближайшаго сосѣда и все это послала къ нему съ матерью казначеи Магдалиной и матерью Досиѳеей, и приношеніемъ этимъ полковникъ нашъ былъ отуманенъ, какъ Валтасаръ, и попался въ ловушку, какъ Олофернъ. Наговорилъ онъ тутъ нашимъ посланницамъ съ три короба всякихъ глупостей, а мать Досиѳея, не переча, ему по мыслямъ, тоже съ нимъ острила и шутила.

— „Вы меня увѣряете“, спрашивалъ полковникъ: „что мать игуменя меня полюбила?“

— „Да, какъ же васъ не любить“, пресерьезно отвѣтила ему мать Досиѳея: „когда вы насъ почти каждый день забавляете!“

И такъ все въ томъ же духѣ.

Разстались онѣ съ полковникомъ такими пріятелями, что хоть бы весь вѣкъ жить вмѣстѣ. И обѣщаль полковникъ явиться ко мнѣ съ визитомъ; а Досиѳея то моя, будь умна, да и скажи на это полковнику:

— „Покорно просимъ пожаловать, ваше высокопревосходительство!“

Это величаніе его еще болѣе восхитило, и онъ обѣщаль непременно утѣшить насъ своимъ посѣщеніемъ, вѣроятно, уже предвкушая въ своемъ антихрiстіанскомъ сердцѣ образовать изъ монастыря готовый сераль съ мусульманскими гуріями.

Недолго собирался полковникъ съ визитомъ: уже на слѣдующій день пожаловалъ ко мнѣ его адъютантъ просить разрѣшенія явиться.

Конечно, я отвѣтила, что, молъ, просимъ покорно дорогаго гостя. Является гость въ полной парадной формѣ.

— „Добро пожаловать“, говорю я: „ваше высокопревосходительство! Покорно прошу—садитесь. Да, чѣмъ васъ подчивать? Мы, вотъ, скоромной-то пици не употребляемъ, да, нынче-то и день постный“...

— „Да, я слышалъ“, отвѣчаетъ мнѣ весьма любезно полковникъ: „слышалъ. Только, знаете, вы это напрасно: къ чему эти посты? Это все одна глупость, выдумка, одна фантазія!“

— „Ну“, говорю я полковнику: „это, ваше высокопревосходительство, не нами установлено, не нами заведено, не нами и кончится“.

И пока то мы такъ говорили, дѣвушки наши монастырскія, по моему распоряженію, то та, то другая—ко мнѣ, будто какъ за дѣломъ, и все глупый разговоръ-то прерываютъ. А онъ не прониимается и все продолжаетъ болтать свои глупости:

— „Вы, мать, напрасно своихъ дѣвушекъ такъ строго дер-

жите и никуда не пускаете. Ишь, какія хорошенькія! просто—прелесть: не стыдно бы ихъ и моимъ кавалерамъ подъ пару!“

А дѣвушки мои поминутно ко мнѣ вбѣгаютъ и все нашъ разговоръ прерываютъ. Я дѣлаю видъ, что на нихъ гнѣваюсь и выговариваю имъ:

— „Ахъ, подите вы отъ меня—право, надоѣли!.. Вотъ, такъ-то“, говорю я полкознику: „ваше высокопревосходительство, начальнику-то: все хлопоты, и не можно днемъ хорошаго человѣка принять—и поговорить-то свободно не дадутъ—сами видите. То ли дѣло—вечеркомъ: никто намъ тогда не помѣшаетъ. Да вы приходите по домашнему, безъ формы, а то намъ безъ привычки страшно на васъ и посмотрѣть!“

— „Такъ, такъ, мать, съ удовольствіемъ!“—отвѣчаетъ онъ мнѣ: „только ужъ вы, мать, будьте тогда откровенны!“

На этомъ мы въ этотъ разъ и простились съ господиномъ полковникомъ.

С. Нилусъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ГОЛОСЪ ИЗЪ ПРАВОСЛАВНОЙ КАРЕЛИИ.

Во всѣхъ православныхъ приходяхъ юго-восточной Финляндіи по берегамъ Ладоги и на востокъ до Онежскаго озера, а также въ пограничныхъ уѣздахъ Олонецкой и Архангельской губ. до береговъ Бѣлаго моря живетъ 150-тысячный народъ—карелы.

До послѣдняго времени жили они въ тиши и неизвѣстности; разбросанные на тысячи верстъ; слабые, беззащитные, при соѣдствіи съ родственнымъ имъ по языку, но чуждымъ по вѣрѣ и упованіямъ финскимъ народомъ. Великіе историческіе перевороты, опустошительные набѣги шведовъ, религіозныя гоненія и преслѣдованія сперва отъ католиковъ, а потомъ со стороны лютеранъ перенесли они на своемъ долгомъ вѣку. Видѣли эти забытые люди и свою безысходную нужду, чувствовали духовную тьму и мракъ, облегающіе ихъ, слышали и обѣщанія отъ своихъ прежнихъ иновѣрныхъ обладателей разныхъ благъ и выгодъ міра сего, но нѣтъ, ни за что не продали они своего сокровища, не отступили отъ Церкви Православной, не поколебались и въ своей преданности святой Руси и Царю православному.

Многаго не понимая и не сумѣя дать отвѣтъ вопрошающимъ о своихъ упованіяхъ, карелы тверды были своей дѣтской привязанностью къ обрядамъ Православной Церкви, къ порядкамъ и укладу жизни своихъ благочестивыхъ предковъ, и въ послуша-

ни своимъ отцамъ-руководителямъ чаяли достигнуть вождѣннаго всѣмъ намъ спасенія.

Но вотъ теперь времена измѣнились. Тяжкое лихолѣтье, раздѣляющее сердце нашей святой Руси, съ особенной болью отзывается въ этихъ карельскихъ труппахъ, среди этого безпомощнаго, темнаго люда. Искатели земнаго счастья, вышедшіе изъ среды карель, но растратившіе свое духовное сокровище въ лютеранской Финляндіи, вздумали позаботиться о судьбѣ своихъ земляковъ: они схлопотали для нихъ общество въ Финляндіи подъ названіемъ „Союзъ Бѣломорскихъ Карель“, перетянули на свою сторону болѣе слабыхъ людей особенно изъ молодыхъ, побывавшихъ въ Финляндіи и выучившихся финской грамотѣ, и до послѣдняго времени свободно хозяйничаютъ, особенно въ Бѣломорской Кареліи, при дружномъ содѣйствіи и подъ руководствомъ финляндскихъ націоналистовъ. Тайно отъ власти основываются тамъ финскія школы съ исключеніемъ изъ программы Закона Божія; открываются десятки таковыхъ же библиотекъ и читаленъ; совѣщаются разные агитаторы и социалисты подъ диктовку Общества изъ Финляндіи; составляются приговоры отъ лица мнимыхъ крестьянскихъ сходоу съ требованіемъ офинить русскую Карелію и изгнать русскій языкъ изъ школъ и крестьянскаго дѣлопроизводства; распространяется всякая литература на финскомъ языкѣ и печатный органъ Общества „Карельскіе Разговоры“, наполненный осмѣяніемъ русской власти, мѣстнаго чиновничества, духовенства и пр. А на торжественныхъ засѣданіяхъ самого Общества въ Финляндіи руководители не стѣсняются открыто высказывать свои вождѣннія и на политическое обладаніе Русской Кареліей, долженствующей стать, по ихъ программѣ, одной изъ составныхъ частей будущаго финскаго царства.

Это движеніе, угрожающее отторгнуть карель отъ святой Руси, при дѣйствіи новыхъ законовъ о свободѣ вѣры, открыло надежды и ихъ исконныхъ враговъ-лютеранъ, и вѣстники „финскаго Сіона“ гости съ Запада, съ предложеніемъ другой вѣры и инаго Евангелія, разгуливаютъ теперь по Кареліи невозбранно, пользуясь при случаѣ услугами и денежнымъ вспомошествованіемъ отъ Общества. Карелія теперь для лютеранскихъ проповѣдниковъ „обѣтованная земля“, завоевать которую они всячески стараются и съ ревностью достойной лучшей участи, сыплются въ среду карель и лютеранскія книги, и деньги разныхъ миссій, идутъ рядами и сѣятели лютеранскихъ плевелъ...

И нужно знать, что всѣ преимущества въ этомъ походѣ на Карелію пока на сторонѣ пропагандистовъ. Они и средствами располагаютъ, и языкъ мѣстный знаютъ, и единодушіе у нихъ паразитальное, и самоотверженіе незаурядное.

Многаго не достааетъ православнымъ дѣятелямъ и вѣрнымъ слугамъ царскимъ на этой карельской окраинѣ для борьбы съ опаснымъ движеніемъ. Если недостаточно пастырей знающихъ мѣстный языкъ въ православныхъ приходахъ Финляндіи, то въ Русской Карелии ихъ и совѣмъ мало. Бѣдна православно-вѣроучительной литературой и финская Карелія, а въ Русской ея и совѣмъ нѣтъ. Не слишкомъ много церквей среди лѣсовъ и горъ пограничной Финляндіи, а на обширныхъ пустыряхъ Русской Карелии онѣ еще рѣже разбросаны среди дикой пустыни. А бѣдность этихъ церквей, ветхость утвари священныхъ облачений? А полуразвалившіяся холодныя часовни, куда православный народъ собирается отогрѣвать свою душу? Приложите къ этому матеріальную нужду карель, первобытныя пути сообщенія, постоянный недостатокъ, особенно въ Бѣломорской Карелии, предметовъ первой необходимости, почти полное отсутствіе, до послѣдняго времени, сколько нибудь благоустроенныхъ школъ и опытныхъ учителей—и Карелія предстанетъ предъ вами во всемъ своемъ убожествѣ.

Какъ же не блазниться кареламъ на блага и выгоды, которыя сулятъ имъ разные пропагандисты? Какъ не поколебаться имъ въ своей стойкости, если необходимая помощь въ ихъ великой нуждѣ замедлитъ съ нашей стороны?

Православно-русскіе дѣятели всѣхъ трехъ Карелій откликнулись на эти вопіющія нужды Карелии и, вѣря, что въ единеніи сила, рѣшили объединиться въ особый союзъ, подъ названіемъ „Православнаго Карельскаго Братства, во имя Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія“, котораго такъ чтятъ карелы. Братство ставитъ своею цѣлю воспитаніе карель въ твердой преданности православной Церкви и неразрывномъ единствѣ со святою Русью. По мѣрѣ своихъ силъ и средствъ, оно будетъ оказывать поддержку бѣднымъ карельскимъ церквамъ и приходамъ, содѣйствовать поднятію и улучшенію церковнаго пѣнія, издавать, переводить на карельскій языкъ и распространять среди карель Св. Писаніе, вѣроучительныя брошюры и молитвенники, поддерживать существующія школы и открывать новыя, содержать катихизаторовъ и книгоношъ, содѣйствовать облеченію и острой матеріальной нужды бѣдныхъ карель пособіемъ погорѣльцамъ, круглымъ сиротамъ, учрежденіемъ домовъ трудолюбія, пріютовъ, богадѣленъ, яслей и пр.

Выступая на этотъ трудный и отвѣтственный подвигъ безъ всякихъ почти средствъ и матеріальной поддержки, Братство обращается за помощію ко всѣмъ ревнителямъ Православія твердо вѣря, что этотъ призывъ не возвратится тощъ въ истощенную Карелію.

Опасность велика. На нашихъ глазахъ сотни православныхъ

карель измѣнили уже святымъ завѣтамъ Православной Церкви и отпали отъ молитвеннаго общенія съ нами, и Богъ знаетъ, будетъ ли конецъ этимъ отступленіямъ, если не подоспѣтъ скорая и сильная помощь.

Итакъ, помогите намъ, братья православные, кто чѣмъ можетъ, и Господь не оставитъ васъ, ибо Онъ говоритъ чрезъ апостола: Братія, если кто изъ васъ уклонится отъ истины, и обратитъ кто его, пусть тотъ знаетъ, что обративши грѣшника, отъ ложнаго пути его, спасетъ душу отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ (Іак. V, 19—20).

Пожертвованія просятъ направлять: въ Выборгъ, Архіерейскій домъ, Іеромонаху Кипріану; Петрозаводскъ, Духовная Консисторія Секретарю Петру Павловичу Сребрянскому, Кемь, Архангельск. губ. Протоіерею о. Николаю Дьяченкоу. и Вологда, Редакція „Церковнаго Слова“.

ОТЪ РЕДАКЦІИ:

№ 60-мъ законченъ минувшій 1907 годъ. Съ настоящаго № 61-го начинается 1908-й годъ. Желающіе получить всѣ №№ (1—60) за 1906—1907 гг. благоволятъ высылать за полный комплектъ ихъ *два* рубля. Осталось небольшое количество. За переплеть прилагается особо 60 коп.

Открыта подписка на 1908-й годъ на изданіе Церковное Слово.

выходитъ еженедельно.

Цѣна съ пересылкой ДВА руб. въ годъ, на полгода
ОДИНЪ руб., за три мѣсяца 50 к.

Адресъ: Вологда, Архіерейскій домъ.